

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ежегодник Конституционной Экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. 528 с.

Обычно научные ежегодники воспринимаются и ценятся читателями в качестве изданий, из которых можно узнать основные, наиболее важные результаты исследований в определенных областях науки и научной практики за соответствующий год, получить представление о том, какие направления исследований в этих областях представляются наиболее интересными и значимыми их ведущим ученым, и, что нередко является чуть ли не самым важным для читателей, понять, исходя из собственных интересов и пристрастий, насколько актуальна и перспективна работа в определенной области, какие из этого открываются или могут открыться возможности для читателя ежегодника.

Дополнительно к этому, сопоставление ежегодников в определенной области знания облегчает формирование представлений о научных позициях, результатах борьбы и соотношении сил различных научных школ в этой области, об изменениях в научных пристрастиях, в общем — о процессах, происходящих не только в собственно науке, но и в связи с ней.

По конституционной экономике до сих пор издано лишь два ежегодника (их легко найти в Интернете):

- Ежегодник Конституционной Экономики. 2018 / отв. ред. С. А. Авакьян, П. Д. Баренбойм, В. В. Комарова, сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. 440 с. (далее — Ежегодник 2018 г.);
- Ежегодник Конституционной Экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский, науч. ред. Г. А. Гаджиев, рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. 528 с. (далее — Ежегодник 2019 г.).

Ежегодник 2018 г. выпущен под эгидой (надзаголовочные данные) кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина; Междисциплинарного центра философии права при Институте философии РАН. В аннотации сказано, что «сборник статей посвящен актуальным вопросам конституционной экономики: проблемы терминологии, конституционная независимость Банка России, проблемы бюджетного федерализма, ответственность органов власти за принятые экономические решения, другие актуальные вопросы соответствия экономических решений государства принципам и нормам Конституции России».

Надзаголовочные данные Ежегодника 2019 г.: юридический факультет научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»; Междисциплинарный центр философии права при Институте философии РАН; Межрегиональная ассоциация конституционалистов России. В аннотации сказано, что «сборник статей ученых из многих регионов России посвящен различным аспектам применения подходов научного направления «конституционная экономика» в изучении актуальных вопросов конституционного права и конституционализма» и перечислены вопросы: Конституция Российской Федерации, экономика России, гражданское общество, экономическая политика, конституционное право, конституционализм.

Предоставляют ли эти ежегодники читателям возможность узнать то отмеченное нами выше, из-за чего научные ежегодники ценятся в первую очередь? Да, безусловно, предоставляют. И большая заслуга редакторов и составителей ежегодников в этом несомненна.

Но радуют ли результаты этого предоставления? И да, и нет — в том смысле, что их восприятие читателем в значительной степени будет определяться его собственной позицией в научном мире (что, впрочем, характерно для науки вообще, а для ее гуманитарной сферы особенно (речь не только о различиях научно-мировоззренческих парадигм)). Это можно было бы пояснить старой и хорошо известной маркетинговой притчей о восприятии перспектив для торговли обувью двумя коммивояжерами, прибывшими в Африку. Но обращение к ней здесь рискованно, поскольку это может быть воспринято не как утрирование для пояснения, а как шаржирование для насмешки, с чем автор был бы категорически не согласен, но кто в таких случаях обращает внимание на позицию автора... Поэтому поясним нашу позицию-оценку иначе.

Под конституционной экономикой, согласно ее первоначальному и самому известному в нашей стране определению, понимается «научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития, отраженным в нормах конституционного права, регламентирующих экономическую и политическую деятельность в государстве» (*Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Май В. А.* Конституционная экономика. М., 2006. С. 10; Конституционная экономика / отв. ред. Г. А. Гаджиев. М., 2010. С. 11).

При таком определении предмета конституционной экономики ее научно-теоретическая актуальность и практическая значимость как направления научных исследований очевидны и непреходящи для России (впрочем, такие исследования важны для любой страны, в том числе и с «неписанной конституцией»). Но очевидны и трудности достижения в этом направлении научных результатов, отличных от тех научно-декларативных, с которыми обычно многие согласны, но которые неясно, как реализовать, выйдя из кабинета и оказавшись среди тех людей, кто уже и так много «успешно реализовал» научных рекомендаций, данных идеалистами от практики. Последним замечанием мы никак не хотим умалить научную и практическую ценность тех рекомендаций, которые уже сделаны в ходе конституционно-экономических исследований. Но хотим обратить внимание, что определение предмета конституционной экономики явственно указывает на то, что речь должна идти не просто о принципах, традиционно исследуемых в науке конституционного права или в экономических теориях, а о более сложном и пока что довольно туманном — о принципах оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития. А такая цель сразу же обозначает существенное различие между тем, что ждут от конституционной экономики, и тем, чем обычно занимается наука экономического анализа права.

Ежегодники, охватывая широкий спектр исследований в направлении конституционной экономики, вместе с тем показывают, что собственно конституционно-экономического достигнуто в этом направлении немного. То есть, по сути, это все еще направление, но не дорога. Такое положение ищущими перспективное направление для научных занятий обычно воспринимается как достоинство, поскольку можно надеяться на относительно быстрое получение значимых результатов. Но возникает и естественный вопрос, почему же до сих пор таких результатов получено немного. И тогда всплывают те проблемы, трудности, в первую очередь методологического характера, которые тоже продемонстрированы обоими ежегодниками.

Наиболее ясно эти проблемы обозначены и проанализированы в двух статьях ведущего российского ученого в области конституционной экономики, известного методолога проблематики «права и экономики», судьи Конституционного Суда РФ д.ю.н. *Г. А. Гаджиева* — в программном послании «от научного редактора» под названием «*Меморандум*» (с. 8–18), открывающем Ежегодник 2019 г., и в статье «*Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве*» (с. 18–42), начинающей Ежегодник 2018 г. (здесь и везде далее при первом упоминании статьи мы указываем диапазон страниц, на которых она размещена, чтобы читатель мог получить представление о ее размерах).

Уже в первом абзаце его статьи в Ежегоднике 2018 г. верно указана характерная «организационная» особенность развития отечественных исследований в конституционной экономике: «В России развиваются две версии синергетического научного направления, получившего название “конституционная экономика”, — экономико-центристская и юридико-центристская. Первая является частью междисциплинарного учения, в большей степени тяготеющего к области экономических научных знаний, это экономический анализ норм конституционного права. Юридико-центристская версия — конституционная экономика — представляет собой исследования, проводимые юристами, использующими при изучении норм и принципов конституционного права, относящихся к регулированию экономических отношений, познавательные структуры, разработанные в институциональной экономике и в “праве и экономике”» (с. 18). Это назревшее авторитетное признание той ситуации, которая фактически уже с десятков лет существует в области конституционной экономики, в чем легко убедиться, сопоставив размещенные в Интернете программы по этой дисциплине экономических и юридических факультетов вузов: диапазон от программ, исходящих из экономического анализа права с вставками основ конституционного права, до программ конституционного права с элементами экономического анализа права, чаще бюджетного.

Сам *Г. А. Гаджиев* явно тяготеет ко второй — юридико-центристской версии, в Ежегоднике 2018 г. предполагая, что «правильнее называть конституционной экономикой не отрасль экономической науки, а межотраслевое научное направление, в большей степени тяготеющее к науке конституционного права, но учитывающее и результаты экономической науки» (с. 20), а в Ежегоднике 2019 г. уже прямо утверждая, что «в отличие от институциональной экономики, которая является экономической дисциплиной, близкой к сфере институциональной экономики, под конституционной экономикой, согласно сложившейся в российской юридической науке традиции, понимается междисциплинарная система идей с преобладанием юридико-центристского подхода» (с. 8) и далее: «конституционной экономикой в России принято называть преимущественно юридическое направление в науке конституционного права, описывающее и изучающее взаимное влияние конституционно-правовых и экономических факторов при принятии стратегических экономических решений» (с. 8).

Это верное отражение реального состояния науки конституционной экономики в России. К тому же, как афористично замечено составителем обоих ежегодников, первым вице-президентом Международного союза (содружества) адвокатов к.ю.н. *П. Д. Баренбоймом* в его эмоционально взволнованном, отличным художественно-научным языком написанном обращении «от составителя» с дополнительным названием «*Российская школа конституционной экономики (конституционной политической экономики, конституционно-правовой экономики). Фантомы, мифы и термины конституционно-экономической теории*» (с. 7–15) в Ежегоднике 2018 г., «отказываясь от конституционной экономики, конституционное право и как

учебная, и как научная дисциплина, по сути, отказывается от себя, отказывается от передового места, где защищаются самые насущные и понятные интересы граждан, от определения методологии борьбы общества за ресурсы...» (с. 15).

Из вышеуказанной позиции *Г. А. Гаджиева* логично следует его мнение о том, какой должна быть методология конституционной экономики, изложенное в «*Меморандуме*»: «С точки зрения методологии можно обнаружить сходство определяемого направления с концепциями правового реализма. Непосредственной методологией конституционной экономики является развиваемая *В. И. Круссом* концепция конституционного правопонимания. По своей методологии, конституционная экономика использует идеи одной из постклассических онтологий права – социокультурный контекстуализм» (Ежегодник 2019 г., с. 9), и сопровождаемое отсылками к постклассической онтологии права, конструктивистской интерпретации права, постклассической эпистемологии, социологическим идеям *Никласа Лумана*, теории общественного выбора, теории прикладной экономической политики.

Попутно заметим, что рецензенту, как адвокату, приятно читать, что столь авторитетный ученый, судья Конституционного Суда РФ признает в методологии конституционной экономики наличие «сходства... с концепциями правового реализма». Думается, что в отличие от многих российских теоретиков права, множество российских адвокатов согласятся с верностью (с «реальностью») этих концепций, берущих начало в трудах одной из ведущих американских научных школ социологической юриспруденции.

Отметим также, что в ежегодниках не выражено, по крайней мере явно, ни то, что принято понимать под экономическим империализмом, ни то, что, исходя из истории возникновения предыдущего понятия, можно было бы назвать конституционно-правовым империализмом. Неявно, конечно, и то и другое присутствует.

Что же касается предмета конституционной экономики, то *Г. А. Гаджиев*, отметив в Ежегоднике 2018 г., что «конституционная экономика в России уже прошла тот этап, когда надо было определять ее предмет, предназначение, сферу практического применения» (с. 19), в Ежегоднике 2019 г. существенно уточняет ее предмет, утверждая, что «предметом конституционной экономики являются правила, позволяющие осуществлять так называемые конституционные выборы, то есть выбор основополагающих конституционных принципов, регламентирующих деятельность органов государства в экономической сфере. Замысел конституционной экономики состоит в рационализации толкования положений экономической конституции, в создании аналитической и прогностической методологии, основанной на идее “командной игры” конституционного права с другими дисциплинами, прежде всего с экономической теорией и социологией» (с. 9).

На указанной методологической базе и предметно-целевых положениях *Г. А. Гаджиев* в «*Меморандуме*» дает актуальное как для теоретиков права, так и для практикующих юристов разъяснение той методологии, из которой исходит Конституционный Суд РФ, принимая решения по «так называемым “сложным делам”», когда в случае коллизии равноценных конституционных принципов правоприменителям приходится прибегать к иным, находящимся за пределами конституционного права, социальным и экономическим принципам» (с. 10), и когда на базе конституционно-экономической методологии «становится возможным сформулировать правило толкования, согласно которому принятое судебное решение по сложному спору может быть законным, социально-ориентированным и экономически обоснованным. Подобный подход является попыткой предложить сбалансированное решение спора между догматической юриспруденцией и направлениями правового реализма, использующими методологию социальных и экономических наук при

понимании сложной контекстуальности правовых норм и социальных принципов, находящихся во взаимосвязи друг с другом. Вместе с тем особое значение получает вопрос нахождения баланса между нормативными правилами при введении ценностных критериев в процесс судебного толкования» (с. 10). При этом «оптимизация, осуществляемая Конституционным Судом, состоит, — как это видит *Г. А. Гаджиев*, — в оценке разумности, степени вмешательства публичной власти в частные интересы, в оценке и поиске средств, наименее обременительных» (15).

Таким образом подтверждается прогноз, сделанный *Г. А. Гаджиевым* в Ежегоднике 2018 г.: «В настоящее время это научное направление уже проходит проверку на полезность и истинность в судебной практике, что можно считать началом легитимации, имея в виду, что высшие суды в России занимаются отчасти и нормотворчеством, и используют конституционные принципы рыночной экономики в процессе конституционализации тех отраслей российского законодательства, которые развиваются под их “зонтиком”. Как результат, мы можем констатировать не номинальное значение этих принципов, а их реальную влияние и воздействие на экономическую политику и на принятие стратегических правовых решений по экономической проблематике» (с. 19).

Некоторые из концептуального характера мыслей, изложенных *Г. А. Гаджиевым* в обоих ежегодниках, отчасти развиваются в статье «*Конституционное регулирование экономических процессов*» (с. 19–39), втором программном послании Ежегодника 2019 г., — «от ответственного редактора», профессора кафедры конституционного и административного права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург» д.ю.н. *А. А. Ливеровского*.

Вектор статьи *А. А. Ливеровского* в Ежегоднике 2019 г. (видимый уже в его статье «*Заметки на правовых полях конституционной экономики*» (с. 120–147) в Ежегоднике 2018 г.) можно охарактеризовать ее эпиграфом: «Внутренняя жизнь науки не должна находиться в слишком прямой зависимости от политики момента или от официального образа мысли» (Норберт Винер) и заголовками ее разделов: «Конституционализм нового тысячелетия»; «О правовом понимании конституционализма»; «Конституционализм и конституция»; «О правовых стандартах — теоретическое отступление»; «Конституционные принципы как регуляторы общественных отношений»; «О полноте содержания принципа большинства»; «25 лет Конституции Российской Федерации»; «Надо ли менять Конституцию?».

Мы согласны с тем, что пишет *А. А. Ливеровский* в качестве ответственного редактора Ежегодника 2019 г.: «В нашем государстве, на 25 году “жизни” Конституции, приходится констатировать реальность “имитационного конституционализма”, то есть формально построенный в соответствии с положениями Конституции общественный строй не отвечает тем доктринам, которые объединяются понятием конституционализм. Может быть, еще и поэтому не “работают” в нашем правовом поле нобелевские достижения западных представителей конституционно-экономического подхода? Может быть, необходимо новое осмысление связи конституционных установлений с государственным устройством, определяющим состояние и развитие экономики?» (с. 21).

В контексте переключки с весьма перспективными в конституционно-экономическом плане идеями и концепциями, высказанными *Г. А. Гаджиевым* в «*Меморандуме*», приведем близкие им по духу и концептуальные по значению высказывания *А. А. Ливеровского* в Ежегоднике 2019 г.: «В основе конституционного (причем, исключительного по своей природе) воздействия на общественные отношения лежат не столько конституционные нормы, сколько правовые стандарты, являющиеся принципиально иными правовыми регуляторами с более сложным

механизмом влияния. Такими правовыми стандартами являются конституционные принципы, механизм воздействия которых на общественные отношения отличен от нормативного регулирования. Регулирование нормой позитивного права происходит в полном соответствии с ее содержанием. Норма не может быть применена *в некоторой мере*. Исполнение нормативного предписания *частично* означало бы искажение воли субъекта нормотворчества, то есть неверное применение нормы в целом. Таким образом, в отношении применения (и действия) нормы позитивного права справедливо правило *абсолютной полноты* реализации ее содержания. Регулирующее воздействие конституционных принципов подчинено иному правилу. В отношении их применения (и действия) допустимо вести речь о реализации *относительной* полноты его содержания. Это правило можно представить как *возможность* реализовать принцип в той мере, настолько полно, насколько это требуется, исходя из условий конкретной правовой ситуации» (с. 31; здесь и везде далее в цитатах курсив источников).

Соглашаясь в целом с этой интересной и перспективно весьма богатой в научном и практическом планах позицией-оценкой, дополним ее замечанием, что при оценке с этой позиции той дискреции, которой фактически обладает правоприменитель позитивного права, нужно будет учитывать и ту дискрецию, которая этому правоприменителю предоставлена процессуальными отраслями законодательства. Ведь судьи Конституционного Суда РФ тоже свободны лишь в рамках судейского усмотрения. Это понятие законом однозначно не определено, рамки для него законом четко не установлены (хотя ограничения нечеткие, в том числе принципами, существуют). Возможности в рамках того, что понимается под судейским усмотрением, у судов конституционного и прочих существенно разные, но все же это возможности в рамках. И суд, любой суд, обязан отчитаться перед обществом за свое судейское усмотрение — в обязательной для судебного акта-решения его мотивировочной части.

Н. С. Бондарь, судья Конституционного Суда РФ, д.э.н., в своей большой и весьма интересной статье «*Экономическая конституция, конституционная экономика и (или?) экономический конституционализм*» (с. 123–154) в Ежегоднике 2019 г., признавая, что «вполне полезными могут быть как исследования экономистов в конституционно-правовой сфере регулирования экономических процессов (что характерно в большей степени для западных представлений о “конституционной экономике”»), так и конституционно-правовой, юридической, в своей основе, анализ экономических явлений и их нормативно-правовой базы, как это представлено отечественной доктриной конституционной экономики» (с. 127), отметив при этом, что «ни первым, ни вторым подходами не исчерпывается *конституционно-экономическая проблематика*» (с. 127), и оговорив, что «концептуальные подходы» в его статье «не во всем соответствуют традиционным представлениям о “конституционной экономике”», высказывает мнение, что «одним из актуальных направлений конституционно-правовых исследований экономических явлений современного общества могла бы стать *доктрина экономического конституционализма*».

«Концепция экономического конституционализма, — в определении *Н. С. Бондаря*, — это системный, междисциплинарный, многоуровневый анализ взаимовлияния, взаимодействия, взаимопроникновения финансово-экономических, социально-культурных, политических, правовых процессов на основе и в соответствии с ценностями современного конституционализма, т. е. это сам процесс формирования и функционирования конституционной социально ориентированной экономической организации государственности. Поэтому “конституционная экономика” и “экономический конституционализм” — не есть результат “перемены

мест слагаемых»; это относительно самостоятельные, но взаимосвязанные направления научных исследований, при решающем участии — если иметь в виду, в частности, проблемы конституционализации финансово-экономической сферы — в первую очередь конституционалистов, но — в тесном союзе с экономистами, социологами, политологами, философами» (с. 127).

Общее представление о содержании статьи *Н. С. Бондаря* можно составить по названиям ее разделов: «Концепция экономического конституционализма: понятийно-категориальное обоснование как относительно самостоятельного направления конституционно-правовых исследований»; «Экономическое содержание институтов современного конституционализма в соотношении с политическим значением экономических процессов»; «Экономическая роль Конституции: политические возможности и правовые пределы»; «Правосудие как фактор финансово-экономического развития российской государственности»; «Конституционный Суд как генератор экономического конституционализма»; «Конституционно-судебное обеспечение баланса бизнеса, власти, свободы — основополагающее начало формирования экономического конституционализма»; «Обоснование доктрины экономического и юрисдикционного суверенитета сквозь призму экономического конституционализма».

В статье есть и созвучные идеям *Г. А. Гаджиева* и *А. А. Ливеровского*, в частности о роли Конституционного Суда РФ, о решениях которого *Н. С. Бондарь* пишет: «*Специфика нормативной энергии решений КС* такова, что она имеет предметом (сферой) своего влияния, прежде всего, *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня* — общие принципы права, конституционные ценности и принципы, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права. С помощью конституционно-контрольной деятельности происходит своего рода приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия... В результате такого рода деятельности КС РФ формируется особый вид нормативных начал, *конституционно-судебные нормоустановления*: будучи ориентированы на разрешение коллизионно-правовой ситуации в рамках конкретного конституционно-правового спора, в то же время они обладают высоким уровнем нормативной и доктринальной обобщенности, аксиологической универсальностью и т.п.» (с. 141).

Как мы уже отметили, статья *Н. С. Бондаря* весьма интересна и актуальна. Но отметим и место в ней, с которым мы не согласны, — то, где написано: «Только в условиях, когда политическая власть отделяется от экономической власти, появляются условия для относительно самостоятельного развития отраслей частного и публичного права и, в конечном счете, правового прогресса на основе ценностей свободы, политической и экономической демократии, гражданского общества и правового государства» (с. 145). Мы полагаем, что, когда политическая власть фактически (а не декларативно) отделяется от экономической власти, она перестает быть политической властью.

Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета д.ю.н. *В. И. Крусс* начинает свою статью «*Добросовестность как вектор и “искушение” конституционализации экономической составляющей правовой системы России*» (с. 226–253) в Ежегоднике 2019 г. с утверждения: «В большинстве научных (и даже теоретико-правовых) высказываний на тему конституционной экономики и/или экономической конституции критически недостает, на наш взгляд, понятийно-категориальной целостности и, в конечном счете, концептуальной и методологической определенности» (с. 226). Статья, как видно из ее названия, посвящена тому, что автор считает «одним из модусов экономического конституционного

правопользования в России» (с. 227), каковым в данном случае «выступает добросовестность, характеризующая, в том числе, как принцип и как презумпция, в первом значении задающая общие требования к экономическому правопользованию и опосредующим такие практики публично-властным воздействиям (решениям и актам) и, во втором значении, предполагающая и предопределяющая необходимость определенной первоначальной оценки субъектов такого воздействия в проекции их спекулятивно-взвешенного восприятия» (с. 227).

Статья *В. И. Крусса* трудна для понимания, по крайней мере для рецензента, это отмечающего. И не со всеми ее положениями мы согласимся в плане их возможной практической реализации. Ограничимся одним таким положением, одновременно интересным, изящно сформулированным, трудным и с явно спорными отдельными утверждениями: «Амбициозные притязания добросовестности форматируют архетипы правосознания эпохи постмодерна. Такую тенденцию нельзя трактовать как однозначно деструктивную и, вместе с тем, недопустимо пренебрегать рисками, сопряженными с перспективой ее доминирования. Соответствующее явление должно получить всестороннюю конституционно-правовую оценку, выработаны правовые позиции Конституционного Суда РФ, позволяющие говорить о легитимной стратегии и алгоритме адаптации к нему публично-властных институтов, органов и должностных лиц; суды же должны получить возможность принимать конституционно однородные решения по делам, связанным с апелляциями к конституционной презумпции добросовестности, как действительно исключающей объективное вменение недобросовестности в деяниях и притязаниях обладателей неотчуждаемых прав и свобод, для умаления достоинства которых нет и не может быть оснований. Впрочем, и такой — доктринально-нормативным образом обеспеченной — возможности может оказаться недостаточно. Поскольку и в этом случае суды (судьи) будут принимать соответствующие решения исходя из своего понимания “эталона” представленной добросовестности. Иначе говоря, реальность судебного механизма конституционной актуализации проявлений недобросовестности, в конечном счете, предопределяется конституционной добросовестностью судей. Технологически же соответствующему правосознанию и правопониманию коррелирует концепция социально-ориентированного суда. От признания этих двух предпосылок, по нашему мнению, зависит и успех гораздо более широкого целеполагания: конституционной модернизации российской экономической системы как области осуществления экономических прав и свобод, несения экономических обязанностей человека и гражданина. Достигнуть такого результата — крайне проблематично; однако и никакие идеологические директивы или организационно-технические меры, включая “бесконечное” совершенствование законодательства и дизайна судебных институтов, обеспечить его не смогут, а другого сценария утверждения своей цивилизационной идентичности у России, по нашему убеждению, нет» (с. 252–253).

«Земные» проблемы «конституционной модернизации российской экономической системы» замечательно описаны в ярком научном эссе «*Конституционная экономика и Россия 2019 года*» (с. 369–388) известного российского экономиста, заведующего отделом ИМЭМО РАН д.э.н. *Я. М. Миркина* (среди прочего известного также чудесной библиотекой на сайте <http://www.mirkin.ru>). Отмечая, что «совместные исследования юристов и экономистов не стали пока фактом российской научной жизни» (с. 369), он полагает, что «конституционалистами следует считать людей любых специальностей, отличаемых стремлением увязать многопредметный текст Основного Закона страны со своими отраслевыми теоретическими и практическими задачами. Поэтому конституционализм шире юриспруденции» (с. 370).

Изложить даже кратко эссе *Я. М. Миркина* нам невозможно, его нужно каждому прочитать, а читается оно легко. Поэтому ограничимся лишь цитатой, из которой сразу видна одна из самых трудных проблем «экономической стороны» конституционной экономики: «...вернемся к экономике России 2019 года. Перед федеральным бюджетом всегда останавливаешься в растерянности и с почтением. В нем больше четырех тысяч страниц, он — продукт огромного человеческого труда. В нем сотни тысяч решений — кому, сколько и зачем, расписанных с детальностью до двухсот-трехсот рублей. Прямо в бюджете отдельной строкой поименованы даже вузы и отдельные общественные организации. Но при этом заранее известно, что это бюджет предположений, во многом условный. Экономическая реальность все равно будет другой. Почему? Причина — высокая зависимость бюджета от мировых цен на нефть и газ, от курса рубля к доллару» (с. 370).

К этому добавим, что не менее интересная статья-эссе *Я. М. Миркина* под названием «*Конституционная экономика как методология определения приоритетов в деятельности государства*» (с. 43–64) представлена в Ежегоднике 2018 г., в начале которой *Я. М. Миркин* пишет: «Существуют сотни инструментов подстегнуть экономику. Но это — холодные, инженерные решения. Их легко придумать и применить. Но чем больше думаешь, почему мы “тормозим”, тем больше понимаешь, что причины замедлений — у нас в головах, в наших представлениях о “человеке экономическом”» (с. 43), и которую кончает словами: «Нужно внедрение в жизнь конституционно-экономических подходов, чтобы государственная экономическая политика при всех своих колебаниях удерживалась в рамках конституционных экономических ценностей. Тогда победим» (с. 64).

«*Конституционная экономика как системный элемент современного конституционализма*» рассматривается в «одноименной» статье (с. 432–441) профессора кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессора кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права Петрозаводского государственного университета, д.ю.н. *Р. А. Ромашова*, в которой он, соглашаясь с рядом положений, содержащихся в статье *Г. А. Гаджиева* «*Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве*» в Ежегоднике 2018 г., отмечая в связи с этим, что «иными словами определяющей оценочной характеристикой конституционной экономики является рациональность — установленная в конституционной норме возможность выбора субъектом того или иного варианта поведения, в сфере, обозначенной предметом соответствующей конституционной коммуникации» (с. 440), исследует основные этапы генезиса современного российского конституционализма и основные направления его эволюции, замечая, в частности, что «в современной России в настоящий момент сложилась система, которая с определенной долей условности может быть названа “постсоветским конституционализмом”. Характерными чертами данной системы является сочетание признаков “авторитарного социализма” и либеральной демократии» (с. 436).

При этом, заключив, что «в настоящее время получили свое концептуальное оформление две теоретических модели конституционного правопонимания: конституционного нормативизма и “живого” конституционного права» (с. 435), он довольно скептически относится к «крайностям» правотворчества Конституционного Суда РФ.

Метафорично ярко *Р. А. Ромашов* пишет: «Возможность менять содержание конституционных положений, не изменяя конституционный текст, безусловно способствует повышению авторитета Конституционного Суда, судьбы которого, подобно древним жрецам, могут общаться с “духом священного конституционного

писания”. Вместе с тем такой подход “размывает” представление о Конституции как об “основном законе государства”, нормы которого обращены ко всем гражданам и организациям. Получается, что последние соприкасаются только с “конституционным телом”, в то время как “истинная жизнь” конституции – это ее дух, общение с которым и передача информации о котором “народным массам” – прерогатива “избранных – Служителей Храма Конституции”» (с. 436).

Для высказанных таким образом опасений имеются, признаем это, определенные основания в отечественной жизни конституционного права (иногда их высказывали и другие авторы, хотя и не в такой образно-прямой форме). И из этих опасений логично следует вопрос о соответствии этой жизни конституционного права тому законодательству, которое определяет и регулирует политическую систему, политическое устройство нашего государства. Но, если не забывать о том, как сегодня работают наши законодатели, можем ли мы утверждать, что у нас в наличии есть и другие варианты, свободные от указанных опасений и недостатков? Мы сомневаемся в наличии таковых.

Именно поэтому с позиции правового прагматизма нам представляется не только правильной, но и (добавим: к сожалению) единственно возможной в современной России та позиция, суть которой обозначена в Ежегоднике 2019 г. в статьях *Н. С. Бондаря*, *Г. А. Гаджиева*, *А. А. Ливеровского* и которая наиболее ясно и откровенно изложена в «Меморандуме» *Г. А. Гаджиева* в Ежегоднике 2019 г.: «Конституционный Суд Российской Федерации реально стал самостоятельным нормотворцем. Судебная методология ревизии проверяемых норм закона, основанная на поиске баланса, анализе пропорциональности ограничительных мер, камуфлирует то, что Конституционный Суд делает самостоятельный, порой политический, выбор, а издавая “ситуационные” нормы, он выступает в качестве нормотворца. Судебное нормотворчество получило свое название – правовые позиции высших судов, а совокупность этих правовых позиций – судебные доктрины. Расширение судебного нормотворчества является одним из главных факторов, способствующих актуализации интереса к проблематике конституционной экономики» (с. 15).

Эта позиция «реализма в праве» не без недостатков, но она в целом практически вполне успешна (с таким ее выражением не согласился бы знаменитый судья *О. Холмс* (1841–1935), один из первых в США реалистов в праве, но согласился бы *С. А. Муромцев* (1850–1910), один из первых российских социологов права). И хотя эта позиция не снимает опасений *Р. А. Ромашова*, а в определенном смысле их подтверждает, но других нет сегодня и пока не видится на обозримом горизонте. Мы уж не говорим о ситуациях, применительно к которым *Г. А. Гаджиев* в «Меморандуме» пишет: «...В метафизической реальности текста отсутствуют иерархические отношения между так называемыми равноценными, но при этом антонимичными правами, а по сути конституционными принципами, образующими бинарные оппозиции» (с. 14).

В статье *Р. А. Ромашова* немало интересных соображений по проблематике конституционной экономики. Но, как это нередко бывает в гуманитаристике, в конце статьи он, оговорив, что считает, что «рациональность конституции и конституционной экономики заключается не в декларациях, сколь прекрасны бы они по содержанию не были, не в призывах к патриотизму, росту общественной сознательности, гражданской активности и производительности труда» (с. 441), все же заканчивает статью декларативным в практическом плане призывом: «Суть конституционной экономики заключается в попытке не просто соединить в одной словарно-смысловой конструкции два разноотраслевых понятия “право (конституцию)” и “экономику”, а создать работающий, причем эффективно, механизм

трансформации российского общества, в котором на смену принудительной рабочей занятости населения придет свободный творческий заинтересованный труд» (с. 441).

Критический обзор, демонстрирующий слабое отражение конституционных требований в практике отечественной экономики, представлен в статье доцента кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, к.ю.н. *Д. А. Авдеева* «*Конституционная экономика в современной России (новый взгляд на старые проблемы)*» (с. 40–51). Но при всех достоинствах статьи (в первую очередь, ее практической направленности) это, в основном, критика. Собственно конструктивных предложений, пригодных (на наш взгляд, конечно) для реализации в России, в статье немного. Впрочем, *Д. А. Авдеев* и сам против «декларирования каких-либо положений, без учета механизмов их воплощения и реализации». И он, конечно, прав, когда пишет, что «можно заключить, что любые реформы в России по непонятным причинам происходят без учета многих факторов и, как правило, в большинстве своем носят незавершенный, а порой и поверхностный характер» (с. 42). По его мнению, причиной этому «является то, что отсутствует полноценная научно обоснованная, политически выдержанная, экономически обусловленная концепция модернизации той или иной сферы жизнедеятельности российского общества и организации публичной власти» (с. 42). Это кажется верным, но были ли в истории примеры успешных реформ в масштабе большого государства, когда столь «полноценная... концепция модернизации» наличествовала до начала модернизации или была создана и применена в процессе модернизации? Мы, во всяком случае, такого не припомним.

Наличие наряду с конкретными и реализуемыми предложениями по частным вопросам, имеющим прямое или косвенное отношение к конституционной экономике, также и явно декларативных предложений, хотя и привлекательных по содержанию, но не могущих быть сколь-нибудь эффективно реализованными в современной России, вообще характерно для многих статей в обоих ежегодниках. Например, в содержательно интересной статье доцента кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии к.ю.н. *И. Н. Плотниковой* «*К вопросу о конституционно-правовой политике, конституционализации и эффективности закона, консеквенциализме в сфере обеспечения экономической свободы личности*» (с. 408–431 Ежегодника 2019 г.) наряду с отдельными, пригодными для реализации предложениями утверждается также, что «установление в России конституционного экономического порядка невозможно без научного осмысления универсальных принципов, составляющих фундамент Основного Закона России, к которым необходимо отнести: положения преамбулы Конституции РФ о добре и справедливости, обеспечения благополучия и процветания России, ответственности за свою Родину...» (с. 412). Утверждается, что «на повестке дня стоит вопрос о единстве подходов к выработке основополагающих документов, устанавливающих фактически «новый курс», «новую идеологию» конституционно-правовой политики в отношении устойчивого развития и функционирования экономических институтов, эффективной конкретизации норм Конституции РФ и дальнейшего развития институтов оценки регулирующего воздействия проектов законов и фактического воздействия нормативных актов в сфере обеспечения экономической свободы личности» (с. 430–431). Возможность дальнейшего развития указанных институтов оценки, конечно, практически реализуема, и такие институты в их начальной форме уже существуют. Но что касается единства подходов к выработке указанных основополагающих документов, то нам представляется, что это невозможно не только в современных отечественных реалиях, но и в теоретическом плане тоже.

Выше кратко описаны основные статьи Ежегодника 2019 г. по общеметодологическим вопросам конституционной экономики. Большинство остальных статей Ежегодника посвящены ее отдельным, хотя и важным, но все же сугубо частным вопросам. Назовем из них те, что нам показались наиболее интересными (наш субъективный выбор). Это статьи д.ю.н. *Л. Л. Арзумановой* «Конституционно-правовой взгляд на развитие российской платежной системы» (с. 52–63); д.ю.н. *П. А. Астафичева* «Свобода экономической деятельности и право на достойный жизненный уровень в конституционном праве России» (с. 64–74); к.ю.н. *П. Д. Баренбойма* и д.ю.н. *Ш. Н. Хазиева* «Экономический популизм как основа уголовной политики государства в отношении бизнеса (с позиций конституционной экономики)» (с. 75–97); к.ю.н. *П. Д. Блохина* «Экономические доводы в конституционном и административном судопроизводстве» (с. 104–122); *М. В. Бородача* «Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики» (с. 155–183); к.ю.н. *В. А. Ваймана* «Закрепление в предпринимательском праве социально справедливых принципов рыночной экономики» (с. 184–200); д.ю.н. *А. А. Ларичева* «Локальные сообщества сквозь призму конституционной экономики: размышления в контексте возможных изменений конституционно-правового регулирования местного самоуправления в России» (с. 254–265); к.ю.н. *В. И. Лафитского* «Конституционный принцип противодействия коррупции в решении задач конституционной экономики» (с. 266–290); д.ю.н. *С. Э. Либановой* «Конституционная экономика как элемент механизма обеспечения экономической целесообразности нарушения прав человека и гармонизации экономики и права» (с. 291–308); к.ю.н. *В. А. Сивицкого* «Конституционно-правовые вызовы роботизации экономики» (с. 460–468); д.ю.н. *А. А. Фомина* «Социальное государство, достойная жизнь и преодоление бедности: взаимообусловленность в условиях конституционализации экономики России» (с. 477–486); *А. Ф. Чупилкиной* «Конституционная экономика как методология борьбы гражданского общества за ресурсы» (с. 487–505).

Что же касается нашей статьи «*Конституционно-экономическая проблематика справедливости налогообложения и распределения его результатов*» (с. 389–407), то ограничимся указанием на ее главный недостаток, впрочем, присущий множеству рассуждений на тему справедливости вообще и налогообложения в частности, — абстрактность и отвлеченность рассуждений и декларативность предложений.

Интересная особенность, характерная для ряда статей по частным вопросам конституционной экономики: если в статье дается определение конституционной экономике, то, как правило, это то определение, которое мы уже привели в начале этой рецензии («научное направление, изучающее принципы оптимального сочетания экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития...»). Но используются в этих статьях обычно другие представления о предмете конституционной экономики, на расхождение которых с приведенным определением прямо не указывается, но которое контекстуально в статьях очевидно. Идет ползучее размывание «канонического» определения, снижающее заданную им исключительно высокую (и тем привлекательную) планку научного поиска. Думается, что главная причина столь необычного явления в том, что невозможно создать работающий критерий для проверки, действительно ли предлагаемое для реализации сочетание «экономической целесообразности с достигнутым уровнем конституционного развития» является оптимальным. Дискуссии о такого рода сочетаниях обычно идеологически и политически окрашены, но при такой окраске о требуемой оптимальности говорить не приходится, по крайней мере в рамках науки.

В заключение мы, еще раз указывая на обилие декларативных предложений в обоих ежегодниках по конституционной экономике, заметим, что при всей добродетельности деонтологического подхода правило «будьте реалистами – требуйте невозможного» (лозунг, ставший знаменитым из событий во Франции 1968 г.) нельзя и близко подпускать к законодательству, если, конечно, законодательство создается не для Утопии (обозначения, ставшего знаменитым из книги Томаса Мора 1516 г.).

Е. Ф. Мосин,
адвокат, канд. техн. наук,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Боченина М. В. Статистические индикаторы и тренды российского рынка жилья. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 165 с.

Рынок жилья в России занимает одно из ведущих мест в современном развитии экономики страны. Это связано как с увеличением роли данного сектора экономики в валовом национальном продукте, так и с органичной взаимосвязью с рынками труда, капитала, товаров и услуг. Основное внимание аналитиков рынка жилья занимает, естественно, прогноз цен на жилую недвижимость и на ипотечное кредитование, который зависит от изменения соотношения спроса и предложения на рынке жилья разного класса. Чтобы понять, что ждет инвесторов в дальнейшем, необходим детальный статистический анализ ситуации на рынке жилья, тенденций его развития, что и нашло отражение в данной монографии. Рецензируемая работа представляет несомненный интерес как в части современного исследования закономерностей функционирования рынка жилья в России, статистических аспектов развития методологии индексного анализа, построения коинтеграционных моделей, так и с точки зрения общей концепции трендов российского рынка жилья.

Для получения целостной картины рынка жилья автор в первой главе по статистическим источникам акцентирует внимание на изучении истории формирования жилого фонда в России на протяжении XX в. и до сегодняшнего дня. Раскрывается рост социальной функции развития рынка жилья в связи с ростом трудовой активности населения, повышением заинтересованности граждан стать собственниками квартир, земельных участков и других объектов недвижимости.

Понять перспективы оценки рынка жилья невозможно без сводной характеристики его дифференциации по федеральным округам России, что и представлено во второй главе работы. Сопоставление доли городского населения и доли городского жилищного фонда по федеральным округам России показало, что жилищная проблема горожан более благоприятна в Центральном и Приволжском федеральных округах. Наиболее остро она стоит в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах и чрезвычайно остро в Крымском ФО, где в собственности граждан находилось меньше половины городского жилищного фонда. Качество жилья при этом оставляет желать лучшего: удельный вес ветхого жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда в Северо-Кавказском ФО составил 5,1%; доля жилищного фонда со степенью износа 66–70% наблюдается в трех округах: Северо-Кавказском (8%), Сибирском и Дальневосточном (5%).

Центральным вопросом в оценке состояния рынка жилья является обеспеченность жильем в федеральных округах РФ. Как показывают статистические данные, в 2015 г. на одного человека в среднем приходилось 24,4 кв. м общей площади жилых

помещений, что ниже, чем в странах Западной Европы (39 кв. м на человека). Характерно, что по размеру обеспеченности жильем городского населения регионы достаточно однородны: 23–24 кв. м (исключение составляет Крымский ФО — 15,8 кв. м). В работе наглядно представлена слабая вариация регионов по основным индикаторам развития рынка жилья: вводу в действие жилых домов на 1000 человек населения, по удельному весу введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда, по величине инвестиций в жилища, приходящиеся на 1 кв. м введенной в действие жилой площади.

Жилищная обеспеченность во многом связана с оценкой доступности жилья. Автор рассматривает с этой целью коэффициент доступности жилья, и бесспорной удачей можно признать преобразование автором формулы коэффициента доступности стандартного жилья, которая позволяет без особых расчетов видеть наличие возможности у населения накопить средства на покупку жилья в течение трех лет, если их среднедушевой доход на протяжении этого периода будет превышать половину стоимости 1 кв. м жилой площади.

В статистическом плане значительный интерес представляет третья глава работы, в которой рассматриваются индикаторы рынка жилья. Автор отошел от распространенного в литературе отождествления терминов «индикатор» — «показатель» и с первых страниц акцентирует внимание читателя на специфике понятия «индикатор» для оценки изменения цен на жилищном рынке. Анализ средних цен по типам жилья, а также их динамики проведены с помощью коинтеграционных моделей. Коинтеграционная модель индекса цен практически для всех типов квартир, учитываемых при формировании средней цены 1 кв. м, позволяет видеть структуру средней цены на рынке жилья по типам квартир. Такую информацию несут в себе значения коинтеграционных коэффициентов, характеризующих в долгосрочной перспективе среднюю долю цены конкретного типа квартир в средней цене на рассматриваемом рынке. Данная интерпретация коэффициентов коинтеграционной модели индекса цен расширяет аналитические возможности модели и является несомненной удачей автора. Может быть, целесообразно было более детально раскрыть методологию построения коинтеграционной модели, ибо этот вопрос недостаточно полно освещается в отечественной литературе.

Значительной новизной обладает в третьей главе работы проведенный автором анализ структуры распределения кредитных организаций по ФО России за 2013–2017 гг. Автором наглядно показана ее стабильность: наибольшая доля ипотечных жилищных кредитов (ИПЖК) сосредоточена в Центральном ФО. При этом не во всех субъектах РФ находятся кредитные организации, предоставляющие жилищные кредиты. Так, в Центральном ФО на 1 января 2017 г. 86% кредитных организаций находилось в Москве, соответственно 14% — в остальных субъектах округа, а в Брянской, Смоленской и Орловской областях таких организаций не было. Отсутствуют кредитные организации, предоставляющие гражданам ипотеку для приобретения жилья, еще в 10 субъектах РФ. Это приводит к тому, что во многих регионах страны велика доля объема ИЖК, полученных в других федеральных округах. Для оценки регионального жилищного рынка по ФО в работе приведены коэффициенты активности населения на ипотечном рынке, рассчитаны ипотечные индикаторы на рынке жилья в разрезе федеральных округов РФ, и наглядно показано, что на протяжении многих лет население всех федеральных округов стремится приобрести недвижимость в Центральном ФО, что, естественно, связано с внутрироссийской миграцией. Рассмотрение миграционных потоков в Центральном ФО по данным Росстата в разрезе федеральных округов позволило построить модели объемов ИЖК, предоставленных кредитными организациями

Центрального ФО жителям других округов. Для этой цели автором предложено использование гравитационных моделей, что является новым словом в эконометрических исследованиях рынка жилья.

При построении гравитационных моделей, учитывающих миграционные потоки ЦФО, обосновывается их прямая связь с объемом ИЖК для населения ЦФО и обратная с логарифмом миграционного прироста, рассчитанного с временным лагом. Все модели проверены по статистическим критериям и хорошо аппроксимируют исходные данные. Практически в данной работе расширен аналитический подход к использованию инструментария гравитационного моделирования: теперь это не только модели международной торговли; торговых издержек, но и модели ипотечного жилищного кредитования.

В четвертой главе работы автор проводит анализ формирования цен на первичном и вторичном рынках жилья. Используя методологию теории построения индексов цен, автор раскрывает абсолютное и относительное приращения средней цены 1 кв. м общей площади жилья на первичном рынке Санкт-Петербурга как за счет стоимости для застройщиков, так и за счет прочих рыночных факторов, влияющих на формирование цены новостроек для покупателей. Следует признать, что рассмотренные в работе индексы цен и их изменения под действием разных факторов позволяют расширить аналитические возможности детальной оценки структурной составляющей цены новостроек.

Специальный параграф посвящен гедоническому моделированию цен и представляет собой поиск автором нового пути адаптации индексной теории, учитывающей динамику цен жилья, сфокусированную на качественных характеристиках изменения жилищных условий. В работе подробно излагаются этапы построения гедонических индексов цен: от гедонической регрессии, описывающей зависимость цены на жилье от характеристик его качества, учитываемого в виде категориальных и дихотомических фиктивных переменных, до соотношения моделей для разных временных интервалов. При построении гедонической модели существенную роль играет используемый набор характеристик жилья, который зависит от решения конкретной экономической задачи. На примере американской компании — *Adobe Systems Incorporated* автор раскрывает дополнительные возможности построения индекса жилья с развитием цифровой экономики. Возможно, что рассмотрение гедонических индексов цен стоило детализировать и дополнить другими количественными характеристиками качества жилья.

В заключение хочется отметить, что в рассматриваемой работе дан весьма содержательный анализ индикаторов российского рынка жилья, основанный на широком использовании отечественной и зарубежной литературы. Работа написана хорошим языком, насыщена интересными материалами и представляет большой научный интерес. Книга позволит исследователям, включая аспирантов и магистрантов, не только углубить профессиональные знания, но и расширить свой научный багаж в части статистической методологии и применения эконометрического моделирования.

С. В. Курьшева

докт. экон. наук, проф.

Санкт-Петербургский гос. экономический университет